

Борис Андреевич Успенский

Странная клятва Ивана III

1. В 1488 г. резко обострились отношения между великим князем (Иваном III) и его братом Андреем Васильевичем, князем Угличским. Князю Андрею стало известно о намерении великого князя взять его под стражу. Он хотел было бежать из Москвы, но, не чувствуя за собой вины, решил узнать, в чем дело. Сначала он попытался действовать через посредника, князя Ивана Юрьевича Патрикеева, однако тот отказался от столь опасного поручения; тогда князь Андрей обратился непосредственно к великому князю. Иван III заверил его, что у него и в мыслях подобного не было и поклялся в этом *небом и землею и Богом сильным, Творцом всей твари*. Великий князь стал дознаваться, в свою очередь, откуда у Андрея такие сведения. Выяснилось, что Андрею донес об этом его боярин Образец, желая прислужиться, поскольку тот держал его в немилости; Образцу же поведал о намерении Ивана III великокняжеский сын боярский Мунт Татищев. Мунт сказал это якобы в шутку, но Образец принял рассказ за чистую монету. Великий князь повелел вырвать Мунту язык, но его отмолил митрополит Геронтий; Мунт Татищев был предан торговой казни (бит кнутом)¹.

Эпизод этот хорошо известен: о нем рассказывают Карамзин (1842-1843, VI: 127-128) и Соловьев (1962-1966, III: 53). Источником этого рассказа является летописный свод, сохранившийся в составе Второй Софийской и Львовской летописей и отраженный также в Ермолинской, Типографской и Воскресенской летописях. Вот что здесь говорится:

Въ лѣто 6996. Скоромоли [*т.е.*: донес; *букв.* 'навел крамолу'] князю Андрѣю Васильевичю Углетцкому на великого князя Ивана Васильевича князь Андрѣевъ же бояринъ Образецъ, яко хоцеть князь великий князя Андрѣа поимати. Князь же Андрѣй хотѣ съ Москвы тайно бѣжати, и едва мысль его отвратися, и посла ко князю Ивану Юрьевичю [Патрикееву], вея явити то князю великому, о чемъ [*т.е.*: почему] се хоцеть князь великий надъ нимъ створити; князь Иванъ же отречеса, и онъ же самъ иде исповѣда великому князю. Князь же великий клятса ему небомъ и землею и Богомъ сильнымъ Творцомъ всеа твари, что ни въ мысли у него того не бывало, а обыска, отъ кого слышалъ, – ажно [*т.е.*: оказалось, что] князя великого

¹ Ср. в Воскресенской летописи: "Мунта же князь велики велѣлъ бити кнутием по торгу вода" (ПСРЛ, VIII: 218). То же в Типографской летописи (ПСРЛ, XXIV: 237).

сынъ боярской Мунтъ Татищевъ сплеха пришоде пошутить, и онъ въ правду поворотилъ, хотя князю Андрѣю примолвится, понеже бо преже того князь Андрѣй въ нелюбкахъ его дръжалъ. Мунту же князь великий повелѣ дати торговую казнь, и хотя ему языкъ вырезати, митрополитъ [Геронтий] же отпечалова его (ПСРА, XX/1: 353; тот же текст: VI: 238; VI/2: 323-324; XXIII: 185-186; то же с редакционными изменениями: XXIV: 236-237; VIII: 217-218)².

Возможно, рассказ Мунта Татищева не был шуткой: три года спустя, 20-го или, по другим источникам, 5-го сентября 1491 г., великий князь “поимал” (арестовал) своего брата “и дръжа его въ велицѣ истомѣ”³; находясь в заточении, 6-го ноября 1493 г. князь Андрей скончался — “преставися [...] въ нужной [т.е.: насильственной] смерти” (ПСРА, XV: 501; см. также: XX/1: 356, 360; VI/2: 331-332, 339; VIII: 223, 227; XII: 231, 237; XXIII: 195; XXIV: 209, 212; XXVII: 362, 365-366)⁴. Одновременно с ним были взяты под стражу его сыновья Иван и Дмитрий (дочери были оставлены на свободе);

² В новейшем издании Второй Софийской летописи (ПСРА, VI/2: 323) вместо *Богомъ силнымъ* стоит “б[о]госилным”, т. е. *бѣгосилным*. Полагаем, что писец имел в виду сочетание *бѣгосилнымъ*, но не дописал выносную букву *м* в первом слове. Таким образом, мы не рассматриваем форму *богосилнымъ* как вариантное чтение к фразе *Богомъ силнымъ*.

³ Яркое описание ареста князя Андрея содержится в Устюжской летописи: “В лето 7000. Приехал на Москъву князь Андрей Угльчский сентября в 19 день, в понедельник. Князь великий почти его велми вечера того, а на завѣтее поимал во вторник брата своего Андрея Васильевича Угльчскаго и бояр его. А поимал так. Послал по него дворецкого своего князя Петра Великого князь Васильева сына Шастунова, а велел князя Андрея брата своего звать к себе хлеба ясти. Князь Андрей восхотел о том ему челом ударити брату своему старейшему. И как приде в западню и бил челом великому князю на чти [т.е.: чести]. И князь великий, мало посидев с ним и поговоря мало, и выиде от него в повалушу [холодное помещение], а князю Андрею повеле себя ждати и бояром его повеле итти в столовую гридню. Они же внидоша, и тако поимаша их и разведоша разню. А князя Андрея повеле поимати князю Семену Ивановичю Ряполовскому. И князь Семен Ряполовской со многими князьми и бояры приде в западню ко князю Андрею Васильевичю, и ста пред ним слезен, и не моги слова ясно молвити. И рече слово слезен ко князю Андрею: ‘Государь, князь Андреи Васильевич, поиман еси Богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси, братом твоим старейшим’. И князь Андреи воста и рече: ‘Волен Бог да государь брат мой старейшии, князь Иван Васильевич, а суд ми с ним пред Богом, что мя неповинна имае’” (ПСРА, XXXVII: 97-98). *Западня* здесь – название горницы (см.: Карамзин 1842-1843, VI: 52, примеч. 333).

День “поимания” князя Андрея (заключения его под стражу) по-разному указывается в летописях: Львовская и Вторая Софийская летописи (ПСРА, XX/1: 356, 360; VI/2: 331) датируют это событие 5-м сентября; другие летописи, цитируемые нами, говорят, что это случилось 20-го сентября. 20-е сентября 1491 г. действительно приходился на вторник, как это и указано в Устюжской летописи.

⁴ По словам Курбского, Иван III “брата единоутробнаго, Андрея Углицкого, мужа зело разумнаго и мудраго, тяжкими веригами въ темнице за малые дни удавилъ, и двухъ сыновъ его [...] многолѣтнымъ заключеніемъ темничнымъ нещадно поморилъ” (Курбский 1913:

один из них скончался в темнице, а другой провел в заточении большую часть жизни⁵. Угличский удел был ликвидирован и присоединен к великому княжеству. Похоже, что именно отнятие удела, а не какие-то другие причины послужили причиной заточения князя Андрея и его сыновей (см.: Карамзин 1842-1843, VI: 129; Соловьев 1962-1966, III: 54); это естественно вызывало подозрение, что клятва, данная Иваном III князю Андрею в 1488 г., не была искренней.

Весной 1498 г., спустя пять лет после смерти князя Андрея, Иван созвал архиереев и принес покаяние в содеянном. Вот как рассказывает об этом Типографская летопись:

Того же лѣта [*пропущено слово 'рече'?*] Симону митрополиту веля емоу быти у себя на дворѣ съ архіепископомъ [Тихоном, архиепископом Ростовским] и съ епископы. И придоша к нему. Князь же великий, вставъ предъ своимъ отцемъ митрополитомъ і архіепископомъ и епископы, начаша бити челою предъ ними съ оумилениемъ и с великими слезами, а прося оу нихъ прощенія о своемъ брате князе Андрѣе Васильевиче, что своимъ грѣхомъ, несторожею, его оумориль, в нужи стоя предъ ними долго время. Митрополить же и архіепископъ и епископы съ испытаниемъ и с великимъ наказаниемъ и понудиша ѥ долго время и едва простиша ѥ и наказаша его впредъ и какъ бы емоу своя душа исправити предъ Богомъ (ПСРА, XXIV: 213-214).

С.М. Соловьев (1962-1966, III: 54) писал по этому поводу: “сыновья Андреевы оставались в заключении, следовательно, Иоанн не раскаивался в полной мере”. Надо полагать, что таким образом великий князь хотел оградить себя от обвинений в смерти своего брата.

Итак, у нас есть основания сомневаться в искренности покаяния Ивана III. Точно так же мы можем сомневаться и в искренности его клятвы. Подобные сомнения могли возникать, очевидно, и у современников великого князя.

2. Клятва Ивана III в том виде, как она читается в летописях, в высшей степени необычна: она не имеет аналогов ни в книжной, ни в устной словесности.

Клятва эта неоднократно привлекала к себе внимание исследователей так называемой ереси жидовствующих, и это вполне понятно. Как известно, Иосиф Волоцкий об-

---

112). *Единоутробный* брат означает здесь: ‘родной брат’: князь Андрей был как единоутробным, так и единокровным братом Ивана III.

⁵ Оба брата почитаются как святые. Иван Андреевич (ок. 1480-1522) известен как св. Игнатий Прилуцкий (Игнатий – его схимническое имя). С Дмитрия Андреевича (1483-1544) оковы были сняты в 1540 г. Св. Игнатий изображался на иконах держащим хартию со словами, обращенными к его брату: “Не скорби, брате, от темницы и от уз сих, Бог стрюю нашему и государю о нас тако известил подати полезная душам нашим: понеже учини нам о свете сем суетнем не пещися, но помолимся Господу Богу, дабы Господь Бог милость свою нам послал, да с радостию претерпим во имя Его и избавимся вечныя муки” (Фартусов 1910: 287).

вина Ивана III в склонности к этой ереси или, во всяком случае, в покровительстве ее приверженцам⁶. Я.С. Лурье охарактеризовал клятву Ивана III как “странную, не находящую соответствия в других памятниках и едва ли не еретическую” (Лурье 1960: 143, 239; ср.: Казакова, Лурье 1955: 111, 206)⁷, связав ее с тем, что сообщает о великом князе Иосиф Волоцкий. “Каковы были религиозные воззрения Ивана III, нам неизвестно, – писал Лурье в последней своей книге, – но приведенную [...] независимым летописным сводом странную клятву Ивана III своему брату: “небом и землею и Богом сильным, творцом всея твари” – едва ли можно считать ортодоксально-церковной” (Лурье 1994: 214). О “неортодоксальности” клятвы Ивана III говорит и новейший исследователь ереси жидовствующих, А.И. Алексеев (2012: 469; 2017: 167, *passim*); в отличие от Я.С. Лурье, который отрицал связь “жидовствующих” с иудаизмом, А.И. Алексеев трактует “жидовство” новгородских и московских еретиков буквально и, насколько можно понять, склонен видеть в этой клятве иудейские корни.

В этой связи обращает на себя внимание выражение *Бог сильный* (“Князь же великий кляется ему [...] Богомъ сильнымъ, Творцомъ всеа твари”). Это, несомненно, габраизм, хотя он и не имеет отношения к ереси жидовствующих. Это выражение встречается в восточнославянских списках Библии, а именно, в Книге Бытия, где Господь говорит Иакову: “Азъ есмь Б[ог]ъ силенъ расти и множиса” (Бт. 35:11, по списку БАН, Арх. Д17, л. 92; о других списках с этим выражением см.: Успенский 2014: 40). Между тем в завещании Иакова (Бт. 49:25) мы встречаем соответствующее определение в дат. падеже – *Бог силам* (ср.: “И поможет[ъ] ти Б[ог]ъ мои Б[ог]ъ силамъ. и бл[аго]с[ло]вит[ъ] тл” (ГИМ, Муз. № 358, л. 148; см.: Успенский 2014: 41); дат. или род. падеж определения в церковнославянском языке может коррелировать с со-

⁶ В послании архимандриту Андрониковского монастыря Митрофану, бывшему духовнику Ивана III (1504 г.), Иосиф Волоцкий передает слова великого князя: “почял говорити о новгородцких еретикех, да молвил мне так: ‘И яз, деи, ведал новгородцких еретиков, и ты мя прости в том’ [...]. Да и сказал ми, которую дръжал Алексей протопоп ересь, и которую ересь дръжал Феодор Курицин” (Иосиф Волоцкий 1959: 175-176). О потворстве Ивана III еретикам Иосиф упоминает также в *Сказании о новоявившейся ереси* (введению к *Просветителю*, 1502-1504 гг.): “Толико же дръзновение тогда имеаху к державному протопоп Алексей и Феодор Курицин, яко никто же ин...”; протопоп Алексей “своим вольхованиемъ подоиде дръжавнаго, да поставит на великом престоле святительском скверного съсуда сатанина, его же онъ напои яда жидовскаго” [речь идет о митрополите Зосиме]; здесь же говорится, что митрополит Геронтий не препятствовал распространению еретического учения, “или грубостию съдръжимъ, или не радяше о сих [еретиках], или бояшеса дръжавнаго” (Казакова, Лурье 1955: 471-472); см. в этой связи: Печников 2018: 185-186; 2020: 216-217. Обвинения Иосифа в адрес великого князя были высказаны, когда Иван III был фактически отстранен от власти.

⁷ “Обычной формой присяги в древней Руси было целование креста; в более ответственных случаях употреблялась формула: ‘Не будет... милости Божией и пречистой его матери и великих чудотворцев’. У Ивана III вместо Христа, Богоматери и чудотворцев упоминаются только ‘Бог сильный’ да еще земля и небо” (Лурье 1960: 143, примеч. 238).

ответствующей формой прилагательного⁸, таким образом выражения *Бог сильный* и *Бог силам* предстают как синонимичные. Слова *силень* и *силамъ* в этих выражениях появляется на месте евр. *šadday*, которое не отражено в греческом тексте Септуагинты; эти слова представляют собой непосредственный перевод с еврейского. Появление этих слов в восточнославянских списках Книги Бытия объясняется сверкой славянского текста Библии с еврейской Торой, которая была осуществлена на Руси еврейскими книжниками (см. подробнее: Успенский 2014). Деятельность этих книжников никак не связана с ересью жидовствующих в том смысле, в каком говорят о ней Геннадий Гонзов и Иосиф Волоцкий (см. в этой связи: Алексеев А.А. 1999: 182-185). Во всяком случае это выражение было легитимировано употреблением в славянской Библии, которое и отразилось, по-видимому, в клятве Ивана III.

Выражение *Бог сильный* может сближаться также с наименованием Господа Саваофа (евр. *yahveh tseba'ot*), которое означает 'господин воинств' и часто передается как *Господь сил* или *Господь силам* (см.: Успенский 2014: 43). Согласно молдавской летописи, молдавский господарь Стефан Великий в 1471 г. одержал победу над валашским господарем Раду Красивым "Божиею милостию и помощью силнаго Саваофа Бога" (СМЛ: 27; см.: Алексеев А.И. 2012: 468-469; 2017: 169)⁹. Стефан Великий был отцом Елены Волошанки, которую обвиняли в ереси жидовствующих¹⁰, однако упоминание *сильного Саваофа Бога*, скорее всего, обусловлено этимологией имени *Саваоф* и не содержит в себе ничего еретического (см.: Петрухин 2015: 161). Отметим еще, что выражение *Бог сильный* в клятве Ивана III соответствует по смыслу определению Бога как "крепкого" в Трисвятом ("Святой Боже, святой крепкий..."), которое восходит к славословию Саваофа у пророка Исаии (Ис. 6:3). Во всех этих случаях речь идет о Боге Отце.

Итак, упоминание *Бога сильного* в клятве Ивана III не может служить свидетельством его неортодоксальности.

3. При всем том клятву Ивана III никак нельзя признать ортодоксальной: она прямо и недвусмысленно противоречит заповеди Христа, который запрещал клясться небом и землей. Ср. слова Христа в Нагорной проповеди:

⁸ Ср. варьирование форм *Душе истинны* и *Душе истинный* (о св. Духе), *Солнце правды* и *Солнце праведное* (о Христе), см.: Успенский 2002: 455-456. О соотношении дат. и род. падежа определения см. там же: 451 (ср. варианты формы молитвы св. Василия Великого: *Боже и Господи силам – Боже и Господи сил*).

⁹ А.И. Алексеев, обнаруживший эту цитату, считает, что выражение благодарности с упоминанием Бога Саваофа могла употребляться в случае победы над единоверцами, тогда как благодарность Христу воздавалась в случае победы над мусульманами. Вопрос о религиозной принадлежности Раду Красивого, противника Стефана Великого, является предметом дискуссии: возможно, он был мусульманином.

¹⁰ Андрей Курбский называет ее "святой" (Курбский 1913: 112).

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А я говорю вам: не клянись вовсе, ни небом, потому что оно престол Божий, ни землею, потому что оно подножие ног Его [...]. Но да будет слово ваше “да, да”; “нет, нет”; а что сверх этого, то от лукавого (Мф. 5:33-37).

Эти слова повторяются в послании апостола Иакова:

Прежде всего братия моя, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою; но да будет у вас “да, да” и “нет, нет”, дабы не подпасть осуждению (Иак. 5:12)¹¹.

Клятва великого князя, как она представлена в летописи, непосредственно соотносится со словами Христа и вместе с тем явным образом им противопоставлена; это перевернутая клятва, лже-клятва. Понятно, что Иван III не мог произнести такую клятву. Если даже вообразить, что Иван III был еретиком, невозможно себе представить, чтобы им была произнесена клятва, отрицающая слова Христа: такая клятва теряла свой смысл – она никак не могла демонстрировать благонамеренность великого князя, на что, очевидно, она была рассчитана. Итак, слова о клятве небом и землей не могут принадлежать Ивану III: они принадлежат летописцу, который выражал таким образом свое отношение к поведению великого князя; иначе говоря, они имеют разоблачительный характер.

Летописец вкладывает в уста Ивана III слова, которые выглядят как кощунственное анти-поведение. Понятно, что имеется в виду: Христос говорит, что нельзя клясться небом и землей, но великий князь, по словам летописца, делает противоположное; вопреки сказанному, он клянется именно небом и землей. Христос говорит, что “да” должно быть “да”, а “нет” – “нет”; но если великий князь клянется небом и землей, то и слова его имеют перевернутый смысл: “да” у него не означает “да”, и “нет” не означает “нет”, его клятва – это ложная клятва.

Очевидно, что летописец оценивает клятву Ивана III, исходя из последующих событий, которые он прямо с ней связывает, – заточения и гибели князя Андрея Большого; он описывает этот эпизод *post factum*, в перспективе уже известного ему финала¹². Трагическая участь князя Андрея, с его точки зрения, была предопределена этой клятвой. В глазах летописца, это была ложная клятва: она нарушала заповедь Христа, по слову которого “да” должно означать “да”, а “нет” – “нет”. Поскольку Иван III поклялся именем Бога, она нарушала также библейскую (ветхозаветную) заповедь, за-

¹¹ Параллели из Священного Писания к клятве Ивана III исчерпывающим образом собраны в работах А.И. Алексеева (см.: Алексеев А.И. 2012: 468; 2017: 167-168). Наша интерпретация этих соответствий отличается от трактовки Алексеева.

¹² Как справедливо замечает М.В. Печников (2018: 186, примеч. 13), “летописец вряд ли сам присутствовал при разговоре Ивана III с удельным князем и наверняка знал только его примерное содержание из устного рассказа, передающего эмоционально окрашенную устную речь”.

прещавшую помянуть имя Бога всуе (Исх. 20:7; Вт. 5:11) и особенно оговаривавшую это запрещение при произнесении клятвы: “Не клянитесь именем моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего. Я Господь Бог Ваш”, говорит Господь Моисею (Лв. 19:11).

Итак, Иван III не клялся небом и землей: эти слова вложил в его уста летописец, чтобы показать, что его клятва была ложной: поступая таким образом летописец стремился представить клятву великого князя в ее онтологически подлинном виде. Он передает не то, что реально сказал Иван III, а то, что тот должен был сказать. Используя заповедь Христа, летописец обнажает истинный смысл этой клятвы.

Но что же реально произнес Иван III в 1488 г.?

Полагаем, что он поклялся именем Бога Отца, *Творца неба и земли*; так Он именуется в Символе веры¹³, и это наименование, по-видимому, присутствовало в клятве. Поскольку клятва была воспринята как ложная, упоминание неба и земли было поставлено в связь с тем, что говорит о клятве Христос; соответственно, слова о *небе и земле* были перенесены из наименования Бога в объект клятвы как таковой.

В свое время А.Н. Насонов предположил, что общий протограф Второй Софийской и Львовской летописей – т. е. именно тех летописей, в которых говорится о клятве Ивана III, – имеет оппозиционный характер по отношению к великому князю (см.: Насонов 1930: 714-721; 1969: 305-307, 369-376). Этот вывод был поддержан другими историками, в частности, Я.С. Лурье (см.: Лурье 1973, *passim*; 1976: 211-212, 239-240; 1988: 109-110). Наши наблюдения, как кажется, подтверждают этот вывод.

По мнению А.Н. Насонова, эти летописи написаны с позиции митрополита Геронтия; в них отражается сочувствие к Геронтию, отношения которого с великим князем были далеко не безоблачными. Соответственно, А.Н. Насонов говорит о митрополичьем летописном своде (отразившемся в этих летописях), датируя его 1489 г. – годом смерти Геронтия, который скончался 28 мая 1489 г. Я.С. Лурье указал, однако, что оппозиционный летописный свод был составлен в конце XV в. уже после смерти Геронтия; по его предположению, составление свода должно быть отнесено ко времени, когда митрополия оставалась вакантной, — до поставления митрополита Зосимы 26 сентября 1490 г. (см. Лурье 1973: 417).

Между тем, оппозиционный характер этого свода наблюдается и после поставления Зосимы. Если наши соображения верны, он мог быть составлен именно при митрополите Зосиме (1490-1494 гг.). В самом деле, летописное известие о клятве Ивана III в том виде, в каком оно дошло до нас в обеих летописях, могло появиться, по-видимому, не ранее ареста князя Андрея (произошедшего 5 или 20 сентября 1491 г.) или, что более вероятно, после его “нужной” смерти (последовавшей 6 ноября 1493 г.).

Я.С. Лурье считал свод конца XV в. не митрополичьим, а монастырским; в любом случае он появился в церковных кругах. Впоследствии известие о клятве Ивана III попадает в другие летописи, в том числе в великокняжескую Воскресенскую лето-

¹³ Ср.: “Верую во единого Бога Отца, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым...”

пись (ПСРА, VIII: 217-218). Составитель Воскресенской летописи, по-видимому, уже не отдавал себе отчета в особом подтексте, который имела эта клятва в более ранних летописях, послуживших ему источником.

Сокращения

- ПСРА: *Полное собрание русских летописей*, I-XLIII, Санкт-Петербург (Петроград, Ленинград)-Москва 1841-2004.
- СМЛ: *Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв.*, сост. Ф. А. Грекул, Москва 1976.

Литература

- Алексеев А.А. 1999: А.А. Алексеев, *Текстология славянской Библии*, Санкт-Петербург 1999.
- Алексеев А.И. 2012: А.И. Алексеев, *Религиозные движения на Руси последней трети XIV-начала XVI вв. Стригольщики и жидовствующие*, Москва 2012.
- Алексеев А.И. 2017: А.И. Алексеев, *О “странной” клятве великого князя Ивана III и о “странной” манере вести полемику. Ответ В.Я. Петрухину*, “Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях”, 2017, 7, с. 167-178.
- Иосиф Волоцкий 1959: *Послания Иосифа Волоцкого*, подг. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье, Москва-Ленинград 1959.
- Казакова, Лурье 1955: Н.А. Казакова, Я.С. Лурье. *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV-начала XVI вв.*, Москва-Ленинград 1955.
- Карамзин 1842-1843: Н.М. Карамзин, *История государства российского*, I-XII, Санкт-Петербург, 1842-1843⁵ (репринт с приложением *Ключа, или Алфавитного указателя*, составленного П.М. Строевым, Москва 1988).
- Курбский 1913: *Князя А. М. Курбского История о великом князе Московском* (Извлечено из *Сочинений князя Курбского*), изд. Археографической комиссии, Санкт-Петербург 1913.
- Лурье 1960: Я.С. Лурье, *Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV-начала XVI века*, Москва-Ленинград 1960.
- Лурье 1973: Я.С. Лурье, *Независимый летописный свод конца XV в. Источник Софийской II и Львовской летописей*, “Труды Отдела Древнерусской Литературы”, XXVII, 1973, с. 405-419.

- Лурье 1976: Я.С. Лурье, *Общерусские летописи XIV–XV вв.*, Ленинград 1976.
- Лурье 1988: Я.С. Лурье, *Русские современники Возрождения: книгописец Ефросин, дьяк Федор Курицын*, Ленинград 1988.
- Лурье 1994: Я.С. Лурье, *Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства*, Санкт-Петербург 1994.
- Насонов 1930: А.Н. Насонов, *Литературные памятники Тверского княжества*, “Известия АН СССР. Сер. VII”, 1930, 9, с. 724–738.
- Насонов 1969: А.Н. Насонов, *История русского летописания XI – начала XVIII в.*, Москва 1969.
- Петрухин 2015: В.Я. Петрухин, *Иван III – ересиарх? К спорам о ереси “жидовствующих”*, в: В.А. Ромодановская, И.В. Силантьев, Л.В. Титова (отв. ред.), *Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской*, II, Москва 2015, с. 158–170.
- Печников 2018: М.В. Печников, *Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. (ч. I)*, “Средневековая Русь”, XIII, 2018, с. 181–240.
- Печников 2020: М.В. Печников, *Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. (ч. II)*, “Средневековая Русь”, XIV, 2020, с. 153–220.
- Соловьев 1962–1966: С.М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, I–XV, Москва 1962–1966.
- Успенский 2002: Б.А. Успенский, *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва 2002³.
- Успенский 2014: Б.А. Успенский, *Из истории славянской Библии: славяно-еврейские языковые контакты в Древней Руси (на материале pomina sacra)* “Вопросы языкознания”, 2014, 5, с. 24–55.
- Фартусов 1910: В.Д. Фартусов, *Руководство к писанию икон святых угодников Божиих в порядке дней года: Опыт пособия для иконописцев*, Москва 1910.

Abstract

Boris Andreevič Uspenskij
A Strange Oath of Ivan III

The article is devoted to a strange oath of Ivan III, the Grand Prince of all Rus', in 1488, registered in some Russian chronicles. The oath is very unusual and sometimes is regarded as heretical. Some scholars even associate it with the heresy of the Judaizers. Was the oath really heretical? Why did Ivan III choose such provocative language? The author attempts to answer these and contiguous questions.

Keywords

Ivan III; Oaths; Swearing; Perjury; Heresy of the Judaizers; Russian Chronicles; Anti-Behavior.